

УДК 008

Флиер А.Я.

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Анализируются некоторые закономерности, определяющие характер исторического развития культуры и основную его направленность. Движение идет от жесткого монолога культурного самоутверждения к полилогу культурных взаимодействий, от единственно возможного решения какой-либо задачи к толерантному отношению к множественности возможных культурных вариантов, от приоритета культурной устойчивости к приоритету культурной изменчивости и т.п.*

Ключевые слова: культурная динамика, культурная устойчивость, традиция, культурная изменчивость, социальная свобода, культурная асимметрия

Согласно классической эволюционной теории, направленность исторической эволюции социокультурных систем ведет их от более простого к более сложному состоянию. Однако складывается впечатление, что одним усложнением систем дело не ограничивается. Социокультурные системы исторически эволюционируют в определенном векторе направленности еще в ряде своих характеристик.

Хорошо известно, что в процессах исторического и социального развития культуры соперничают и постоянно проявляют себя совершенно разнонаправленные тенденции (как правило, в виде парных оппозиций). В принципе в этом нет ничего странного. В культуре, как и в любой иной области бытия, действует закон единства и борьбы противоположностей. В соответствии с ним в рамках системы ведется постоянная борьба между разными тенденциями изменчивости, в результате которой рождается что-то новое, содержащее в себе элементы, в большей или меньшей мере унаследованные от всех соперничавших тенденций, что ведет к развитию всей системы в целом. Источник развития заключен в самой системе и ее внутренних противоречиях. Все вроде бы ясно.

Но этим развитие не исчерпывается. В культуре одновременно наблюдаются как классическая модель единства и борьбы противоположностей, реализующаяся в описанном режиме, так и совершенно иной алгоритм соперничества. В соответствии с другим алгоритмом, в результате борьбы просто побеждает одна из соперничающих тенденций, постепенно расширяя собственные масштабы применения и в той или иной мере локализуя другую. Полной элиминации проигравшей тенденции, как правило, не происходит, ибо всегда остается какой-то процент людей, для которых прежняя модель сохраняет практическую актуальность. В результате такой борьбы не порождается что-то принципиально новое, а просто происходит постепенная замена одного доминирующего способа упорядочивания социального бытия другим, в принципе наблюдавшимся и ранее, но бывшим сравнительно второстепенным по социальной значимости.

Рассмотрение второй модели развития позволят выявить в ней некоторую универсальную направленность (вектор), обращенную в сторону неуклонного расширения как множества возможных технически, так и множества допустимых культурно вариантов осуществления тех или иных социальных функций, достижения тех или иных социальных целей. Известно, что расширение технических возможностей сообщества вовсе не обязательно ведет к автоматической легализации с точки зрения их культурной допустимости и приемлемости. Но исторически наблюдается тенденция возрастания культурной толерантности к **иному**, что лишь опосредованно детерминировано научно-техническим прогрессом как таковым. Можно утверждать, что в историческом культурном развитии человечества имеет место последовательное движение от **жесткой одностипной упорядоченности**, характерной для ранней истории локальных сообществ, к **поливариантной упорядоченности**, которая все более утверждает свою значимость по ходу истории.

Показательные примеры второго типа соперничества разных тенденций в развитии культуры выражены в борьбе культуры:

- как социального ограничения и как социальной свободы;
- как социализации и как индивидуализации;
- как структурирования и как деструкции;
- как повторения и как неповторимости;
- как единообразия и как многообразия;
- как отторжения иного и как интереса к нему;
- как закономерного результата и как ситуативной случайности и др.

По ходу истории вторые части этих бинарных оппозиций постепенно вытесняют первые, хотя не абсолютно и не окончательно, но смена культурных доминант в человеческой макроистории совершенно очевидна. Именно вторые части приведенных оппозиций (расширение степеней свободы, индивидуализация, размывание порядков, легитимация случайности и ситуативности и пр.) неуклонно становятся актуальными параметрами культуры с каждой новой эпохой во все большей мере. А именно:

- социальная свобода побеждает социальное ограничение (это самоочевидно на примере трансформации системы норм социальной солидарности и лояльности от первобытной общины до современной либеральной демократии);
- социальная значимость творческой новации побеждает социальную значимость следования традиции (что иллюстрирует технологическое развитие процессов и процедур жизнедеятельности от первобытной до постиндустриальной);
- индивидуализация преодолевает социализацию (проявляется, в частности, в утверждении и усилении авторского творческого начала в искусстве, литературе, философии, науке, технике, идеологии, политике и т.п.);
- культурная дифференциация (отторжение иного) уступает культурной толерантности, а порой и интеграции;
- асимметрия побеждает симметрию (в качестве иллюстрации: формальная эволюция от искусства античности к искусству XX в.);
- плюральность вытесняет нормативность (например: путь от господства жесткого обычая и его стандартов поведения к терпимости и даже патронажу в отношении социокультурных вариаций и аномалий);
- и даже случайное (ситуативное) в культуре, если не побеждает закономерное, то, по крайней мере, существенно расширяет степень частотности своего проявления и, главное, – приемлемости (мы наблюдаем возрастание культурной ценности абстрактного, парадоксального, движение от нормативного к оригинальному) и т.п.

В любых проявлениях жестко ограничительное, нормативное начало культуры (культура как репрессия) постепенно отступает под натиском потребности в свободе культурного самовыражения, коллективное начало в культуре уступает индивидуальному, что означает: **иное**, не соответствующее господствующей традиции перестает восприниматься как угроза, как нечто социально опасное. Талант воспринимается как одно из самых ярких проявлений **иного** по отношению к среднему уровню, к норме. Это ярче выражено в художественном и научном творчестве, но, безусловно, имеет место и в социальных репрезентациях, отчасти и в идеологии. Представитель **иной** культуры перестает восприниматься как заведомый враг. Новое, как **иное**, воспринимается уже неизмеримо терпимее и входит в привычный социальный быт много быстрее, нежели два-три века назад, не говоря уже о более глубокой древности. Видимо, по мере развития технологий жизнедеятельности проблема соперничества за ресурсы (в первую очередь, за человеческие ресурсы) утрачивает остроту. **Лояльность перестает быть обязательным условием социальности.** Нелояльность (или не очевидная лояльность) перестает восприниматься как обязательная угроза. Подобная ясно наблюдаемая тенденция в исторической изменчивости позволяет ставить вопрос о наличии определенного вектора в развитии культуры, ведущего к расширению поля ее вариативных возможностей.

Попытка охарактеризовать данный вектор актуализирует один очень важный аспект проблемы. Человеческая культура возникла в развитии норм социальности, наблюдаемой у всех стадных животных, реализующей совершенно определенную единую стратегию жизнедеятельности –

приоритет коллективных интересов над индивидуальными, ограничение индивида в интересах коллектива, принесение в жертву интересов индивида в пользу коллектива. Так поступают антилопы, птицы, муравьи, рыбы, обезьяны. Подобным образом поступают и люди в системе своих культурных норм. Например, в литературных текстах всех народов мира приоритет, отдаваемый общественным интересам, всегда называется «добром» и всячески приветствуется, а предпочтение индивидуальных интересов осуждается как априорное «зло». Все религиозные и философские учения фактически призывают к тому же, как и политические и социальные. И никогда не бывает иначе. Один должен жертвовать собой во имя интересов двоих. Социальное поведение животных и культура людей как стратегии коллективного выживания всегда оставались неизменными в своей определенной направленности, начиная от элементарных сообществ бактерий и до высших проявлений человеческого разума, и были подчинены единому лозунгу – «Раньше думай о Родине (сообществе. – А.Ф.), а потом о себе».

Но в историческом развитии культуры людей наблюдается очевидное отступление от данного стандартного стереотипа биологической социальности, и оно становится признаком культурной нормальности. Как понимать странный вектор исторического развития культуры? Является ли этот постепенный отход от априорного и повсеместного торжества социального начала к легализации индивидуального, от нормативной упорядоченности к свободе самовыражения движением от Космоса к Хаосу? Или скажем мягче: к равноправию Хаоса наряду с Космосом.

Впрочем, вспомним, что с позиций синергетики Хаос – это не абсолютный беспорядок, а **иной** порядок, выстроенный по **иным** правилам, по алгоритму, непривычному и непонятному для нас (для господствующих стереотипов нашего сознания). В таком случае можно утверждать, что в развитии культуры начинает торжествовать принцип равноправия разных порядков, отход от идеи исключительности, лежащий в основе любой локальной самобытности, и движение в сторону системной толерантности. В принципе тенденция к установлению равноправия разных культурных идентичностей, развивающаяся в культуре в течение последних двух-трех веков, на своем уровне свидетельствует именно об этом. Но можно ли предполагать, что с течением времени нормативность и локальная самобытность будут совсем вытеснены из культуры?

А что такое нормативность и локальное своеобразие в культуре в принципе? Это не более чем ограничение используемой совокупности форм деятельности и ее желаемых результатов некоторым числом разрешенных или предпочитаемых форм, как правило, максимально повторяющих уже освоенные в прошлом формы (вошедших в социальный опыт) и являющихся чертами, на основании которых хорошо атрибутируется местная специфика. Это исторический социальный опыт, возведенный в абсолют. Но если раньше такого рода ограничения имели какие-то прагматические основания, привязанные к природно-климатическим и ресурсным условиям места, то ныне они носят исключительно идеологический характер культурной ориентированности на собственное прошлое, как универсальную установку национального самоутверждения. А всегда ли есть объективные основания для такой установки? Всегда ли такие

априорные апелляции к собственному историческому социальному опыту оправданны? Или возможны и какие-то иные основания для самоутверждения?

В прежние времена ориентация на **прошлое**, как на **правильное состояние дел**, в отличие от **неправильной современности**, вообще преобладала в ментальностях традиционной культуры. В этом видится принципиальное отличие этнического сознания, как мемориального, от национального сознания, как прогностического («национальный проект»). Но в данной связи, как представляется, стоит обратить внимание и на такую взаимосвязь. Все люди, занятые в какой-либо социально полезной деятельности, как правило, делятся на группы высоко востребованных деятелей, чья работа имеет высококачественный и высокоэффективный характер, и людей с низкой или даже незначительной социальной востребованностью и соответствующими параметрами качества и эффективности работы и ее результатов. Показательно, что такие характеристики, как нормативность и локальное (этническое) своеобразие, в основном отражают позитивные параметры деятельности именно второй группы (людей с низкой социальной востребованностью, назовем их условно аутсайдерами). И, наоборот, подобного рода нормативность и своеобразие являются факторами, как правило, стесняющими, мешающими, искусственно ограничивающими размах деятельности для первой группы (люди с высокой социальной востребованностью, назовем их условно лидерами). То есть, нормативность и этническое своеобразие являются доминантными характеристиками деятельности для социальных аутсайдеров, в то время как для лидеров такими характеристиками являются новационность и техническая эффективность.

В таком случае появляются основания для утверждения, что высококачественная и инновативная индивидуальная творческая деятельность лидеров по ходу истории начинает приобретать все большую социальную значимость, постепенно оттесняя на второй план коллективную традиционную деятельность аутсайдеров, доминировавшую на ранних этапах истории (особенно на первобытном и аграрном ее этапах). Значимость коллективных интересов в культуре начинает уступать место значимости индивидуальных проявлений, ибо это интересы лидеров (не по формальному социальному положению, а по уровню востребованности их деятельности). А на индустриальном и особенно постиндустриальном этапах развития общества социальная эффективность индивидуальной деятельности (особенно высоко обеспеченной интеллектуально), начинает решительно преобладать над эффективностью механической коллективной деятельности. Иными словами это можно назвать *исторической победой специализированной культуры над обыденной*.

Но в данной тенденции наблюдается и еще один интересный аспект. Поскольку деятельность высоко специализированных мастеров, как правило, имеет в большей или меньшей мере творческий характер, больше связана с импровизацией и усовершенствованием того, что уже освоено, она гораздо чаще порождает новации, нежели обыденная деятельность носителей традиционной культуры. Значит в процессе усиливающейся дифференциации и специализации деятельности людей, наблюдаемой по ходу истории, усиливается новационный характер этой

деятельности, ускоряется динамика культурной изменчивости. Данное явление обычно характеризуется в исторической и публицистической литературе указанием на факт ускорения темпа протекания истории. Ведь **ускорение темпа истории** – наше впечатление от **наблюдаемого возрастания динамики культурной изменчивости, что является результатом все большей специализации в деятельности людей и ее нарастающего творческого характера**, что можно считать одной из фундаментальных закономерностей исторической динамики культуры.

Возможно, именно этими процессами в развитии видов и форм человеческой деятельности можно объяснить и обозначенный выше вектор возрастания степеней свободы в развитии человеческой культуры. Необходимо подчеркнуть, что такую направленность социокультурного развития отмечали многие авторы, начиная с эпохи Просвещения. И становится понятным, почему подобный вектор не наблюдается в динамике социальности животных, ибо значимость индивидуальной активности особи в животной жизни всегда неизмеримо ниже эффективности коллективных действий.

Но не означает ли такое наблюдение, что нормативность и локальное своеобразие в культуре вообще исторически обречены, как социально малоэффективная целеустановка деятельности, уходящая с исторических подмостков актуальной социальной практики? Думаю, что нет, и не только потому, что вопрос о стирании национальных культурных различий пока что не стоит в повестке сколь-либо обозримого будущего человечества. Но, в первую очередь, потому, что феномен социального аутсайдерства в принципе неустраним в практике человеческой деятельности, хотя бы по причинам биологических различий между людьми, их врожденными способностями, психоэнергетике и пр., не говоря уже о многообразных социальных причинах. Поэтому социальная ниша для деятельности, параметры которой не смогут измеряться уровнем ее результативной эффективности (как у лидеров), а только степенью ее нормативности и местного своеобразия (как у аутсайдеров), останется всегда. Но боюсь, что подобная деятельность скоро будет востребована только для показа туристам – охотникам за своеобразием, посетителям «зоопарков экзотики»... Итак, я предполагаю, что культура в исторической динамике имеет выраженную направленность развития от необходимости к свободе, от ограниченного числа возможностей к расширению этого множества, от локальной ограниченности («своеобразие») к глобальной плюральности и т.п.

Попытаемся провести рассмотрение конкретных стадийных черт, проявляющихся на пути исторического развития культуры, именно с точки зрения подтверждения обозначаемого выше вектора ее развития. Прежде всего, требуется выделить некоторые характеристики, на основе анализа которых можно рассмотреть интересующие нас аспекты той или иной стадийной культуры. В качестве таких характеристик можно назвать следующие:

– целевые и функциональные приоритеты культуры (к чему она стремится и с чем борется, к расширению чего идет, какие внутренние условия старается искусственно сконструировать, какие

внешние условия адаптирует в первую очередь и что абсолютизирует, какие социальные функции приоритетны, каково ее отношение к среде обитания, степень открытости внешних границ взаимодействия и т.п.);

– приоритетные средства, с помощью которых культура осуществляет свои цели (тип доминирующих социальных индустрий, методы управления и социальной регуляции и их иерархия, основания для осуществления социальной регуляции и условия достижения успеха и пр.);

– источники содержательного наполнения культуры (актуальность разных социальных опытов и их иерархия, идейные основания для культурных конструкций, главные ценности и объекты отторжения, эталонные культурные герои, особенности отношения к историческому времени);

– участники культурных процессов (наиболее значимые социальные группировки), иерархия функциональных групп, преобладающие основания индивидуальной и групповой идентичности, иерархии каналов социализации и пространств репрезентации личности);

– языки и символы (иерархии каналов передачи информации, композиции образных систем, характеристики культурных текстов и пр.).

В качестве условных стадий, на которые в данном исследовании будет делиться историческое время, рассматриваются уже общепринятые в современных общественных науках технологические эпохи:

– первобытная (включая ее позднюю «варварскую» стадию);

– аграрная (начиная со становления первых государственных образований в 4 тыс. до н. э. и – условно – до открытия Америки на рубеже XV – XVI вв.);

– индустриальная (XVI – XX вв.);

– постиндустриальная/информационная (начало которой принято отсчитывать от 1960–70-х гг.).

Прежде всего, необходимо выстроить таблицу сравнения эпохальных культур по выделенным характеристикам [открыть [файл PDF](#)].

Иерархии, композиции, доминанты	Первобытность и варварство	Аграрная эпоха	Индустриальная эпоха	Постиндустриальная эпоха
<i>Стремится к социальным целям</i>	демографическая устойчивость (обеспечивается культом рода и родства)	политическая устойчивость (обеспечивается жесткой сословно-кастовой структурой и религиозно	социальная устойчивость (обеспечивается юридическим социальным равноправием)	культурная устойчивость, (обеспечивается манифестацией равноправия разных культурных

		санкционированным насилием		идентичностей)
<i>Главный преодолеваемый дефицит</i>	продовольственная обеспеченность (дефицит эффективности технологий кормления)	обеспеченность внешней безопасностью (дефицит территорий расселения и кормления)	техническая обеспеченность деятельности (дефицит технико-технологических возможностей)	актуальная информационная обеспеченность деятельности (дефицит знаний)
<i>Главные провозглашаемые ценности и отвергаемые сущности</i>	культурная нормативность. Привычность. Отвержение нового, непривычного	божественная истинность. Правильность. Отвержение чужого	социальная справедливость. Прогрессивность. Отвержение устаревшего	культурная пластичность. Плюральность и синтез культур. Отвержение единообразного
<i>Стремится к расширению, прежде всего</i>	объема бытийных благ	глубины понимания бытия	технических возможностей освоения бытия	достоверного знания о бытии
<i>Условия, которые стремятся сконструировать для достижения целей</i>	социальные	идеологические, политические, социальные	политические, социально-экономические	информационные, культурные, политические, социально-экономические
<i>К каким условиям адаптируется и что культурно абсолютизирует</i>	адаптируется к природным условиям бытия и абсолютизирует процессы биологического воспроизводства людей	адаптируется к внешним историческим условиям бытия и абсолютизирует религиозно-идеологические установки жизни	адаптируется к социально-экономическим условиям бытия и абсолютизирует социальную справедливость	адаптируется к уровню информационной обеспеченности бытия и абсолютизирует свободу культурных идентичностей
<i>Отношение к среде</i>	потребление среды и приспособление к ней	воспроизводство среды	подавление среды и приспособление ее к себе	организация и конструирование среды
<i>Социальные функции культуры</i>	социальная регуляция и мифологическое объяснение мира	социальная регуляция, рациональное познание и религиозное объяснение мира	социальная регуляция, научное познание и объяснение мира, социальное проектирование	социальная регуляция, научное познание и объяснение мира, социальное проектирование и информационное обеспечение
<i>Культурные границы</i>	абсолютно закрытые	относительно закрытые	относительно открытые	в существенной мере открытые
<i>Иерархия социальных индустрий</i>	производство продовольствия, социального порядка, материального инструментария, интеллектуально	производство продовольствия, социального порядка, интеллектуально о инструментария, материального	производство материального инструментария, социального порядка, интеллектуально о инструментария,	производство интеллектуально о инструментария, социального порядка, материального инструментария,

	о инструментария	инструментария	продовольствия	продовольствия
<i>Преобладающие формы социального управления</i>	абсолютное торжество обычая	относительное преобладание обычая, дополняемого политическими и идеологическими формами управления	преобладание политических и социально-экономических форм управления. Дискриминация обычая	абсолютное торжество политических и социально-экономических форм управления. Изоляция обычая в социальных резервациях
<i>Иерархия средств социального управления</i>	уровни инкорпорированности индивида в сообщество, физическое насилие. Доминирует культурное подавление (обычай), в меньшей мере политическое (автократия) и идейное (теократия) подавление	физическое насилие, уровни инкорпорированности индивида в сообщество. В равной мере имеют место подавление политическое (автократия), идейное (теократия) и культурное (обычай)	экономическое принуждение, физическое насилие. В равной мере применяются политическое подавление (автократия) и согласование интересов (демократия), реже культурное подавление (обычай)	управление социальными и культурными интересами, физическое насилие. Преобладают согласование интересов (демократия) и политическое подавление (автократия), маргинально сохраняется и культурное подавление (обычай)
<i>Социальное управление, в первую очередь, удовлетворяет интересы</i>	витальные и непосредственно социальные (на уровне малых групп)	идеологические и социально-статусные (иерархические)	социально-экономические	познавательные-информационные и социокультурные (манифестации собственной идентичности)
<i>спех достигается, прежде всего, за счет</i>	наращивания числа участников деятельности	усиления дисциплины и качества взаимодействия участников	совершенствования технического обеспечения деятельности	усиления интеллектуального и информационного обеспечения и повышения индивидуальной подготовленности участников деятельности
<i>Деятельность регулируется на основе соображений</i>	витальной необходимости	социальной необходимости	социальной полезности	социальной перспективности
<i>Иерархия значимости социальных опытов</i>	витальный опыт общины (племени), позднее локальный опыт семьи	исторический опыт этноса, мировоззренческий опыт конфессии, социальный опыт сословия, политический опыт народа, локальный опыт семьи	политический опыт нации, социальный опыт сословия, профессиональный опыт специальности, исторический опыт этноса, мировоззренческий опыт	Профессиональный опыт специальности, политический опыт нации, социальный опыт сословия, исторический опыт этноса, мировоззренческий опыт

			конфессии, локальный опыт семьи	конфессии, локальный опыт семьи
<i>Основания для культурных конструкций</i>	мифические представления и актуальный социальный опыт	религиозные представления, исторический и актуальный социальный опыт	актуальный социальный и исторический опыт и социальные проекты	актуальный социальный опыт и проекты, превентивное переживание будущего
<i>Культурные герои</i>	Боги и великие предки	исторические персонажи, святые, эпические герои	великие современники, исторические и художественные персонажи	устойчивые объекты СМИ, художественные персонажи
<i>Иерархия отношений к историческому времени</i>	сакральное прошлое (актуальное религиозно), ужасное настоящее, неактуальное будущее	великое прошлое (актуальное символически), терпимое настоящее, эсхатологическое будущее (представляемое только религиозно)	ужасное прошлое (актуальное как негативный пример), терпимое настоящее, прекрасное будущее (представляемое как системная фантазия)	воспринимаемое скептически прошлое (как заведомо недостоверное знание), противоречивое настоящее и неоднозначное будущее (представляемое сегментарно)
<i>Иерархия функциональных групп</i>	потребляющие	управляющие, познающие и производящие	управляющие, производящие, познающие и обслуживающие	познающие, управляющие, обслуживающие и производящие
<i>Наиболее значимые социальные группы</i>	социально-политические (по функции), трансформирующиеся в этноконфессиональные	в равной мере этноконфессиональные, социально-сословные и политические	преимущественно национально-политические и социальные	в равной мере социально-профессиональные, национально-политические, а также субкультурные и культурно-маргинальные
<i>Идентичность человека базируется в основном на</i>	родовом происхождении и не корректируется	социальном происхождении и корректируется религиозно	политической принадлежности (гражданстве) и корректируется профессиональным статусом	микрогрупповой культурной принадлежности и корректируется профессионально-иерархическим положением
<i>Идентичность социальных групп является в основном</i>	родовой, как потомков великого предка	политико-конфессиональной и социальной, в меньшей мере этнической	национально-политической и социальной	плюральной, в равной мере политической, социально-профессиональной и этноконфессиональной
<i>Иерархия каналов социализации и инкультурации</i>	обычай, домашнее	обычай, домашнее воспитание,	домашнее воспитание, общее и	СМИ, общее и профессиональное образование,

<i>личности</i>	воспитание	социальное влияние среды, профессиональное воспитание	профессиональное образование, социальное влияние среды	социальное влияние среды, домашнее воспитание
<i>Иерархия социальных пространств репрезентаций человека</i>	обрядово-ритуальная практика	религия, социально-сословная культура, политическая принадлежность	общественное служение, ниже – социальный статус и профессиональная деятельность, много ниже этничность и религия	прежде всего, среда культурных микрогрупп, ниже – пространства личной профессиональной деятельности и политическое
<i>Иерархия каналов передачи информации</i>	звуковой, визуальный и жестовый равноценно	письменный, аудио, визуальный	письменный, визуальный, аудио	аудиовизуальный, письменный
<i>Композиция образных систем</i>	образы природы, инфернальные образы, образы социальных систем	инфернальные образы, образы власти, образы природы, образы социальных систем, социально-эталонные образы	социально-эталонные образы, образы власти, образы социальных систем, образы природы, инфернальные образы	образы социальных систем, социально-эталонные образы, образы власти, образы природы, инфернальные образы
<i>Характер культурных текстов</i>	провозглашают истину	интерпретируют истину	критикуют истину	иронизируют и экспериментируют над истиной

Прокомментируем логику понимания рассматриваемой культурной динамики, которая представлена в приведенной выше таблице. Прежде всего, необходимо определить функционально-целевые установки разных эпохальных культур (какой дефицит они преодолевали и к каким актуальным социальным целям стремились) и проследить внутреннюю логику динамики исторического развития этих установок.

Судя по всему, первобытная культура стремилась к обеспечению, в первую очередь, демографической устойчивости сообществ (условно говоря, в идеале пыталась обеспечить право на рождение и жизнь в возможных пределах для каждого человека). Данная цель поддерживалась особой значимостью режима репродуктивного поведения людей (основные регулятивные установки культуры были сосредоточены на предотвращении конфликтов по этому поводу) и сакральным культом рода и родового прародителя (великого предка). Основным дефицитом являлись продукты питания, и социальная практика сообществ сосредотачивалась, главным образом, на продовольственном обеспечении, что, в свою очередь, было тесно связано с решением задачи обеспечения демографической устойчивости.

Можно утверждать, что аграрная эпоха, была сосредоточена на поддержании политической устойчивости сообществ (в конечном счете – борьбе за право на существование между всеми локальными сообществами). Фактически на протяжении всей эпохи имела место постоянная

война всех со всеми за жизненные пространства (или контролируемые пространства), и только при условии достаточной обеспеченности жизненным пространством собственного сообщества право на такое же пространство признавалось и за другими. Разумеется, это не исчерпывало всего содержания истории эпохи. Особо значимую роль играла религия, которая нередко становилась поводом и для обширных завоеваний. Но и религия была полноценной политической доктриной (по своим социальным функциям даже, в первую очередь, политической доктриной) и обслуживала, прежде всего, ту же самую устойчивость политических сообществ. Понятно, что дефицитом, который сообщества стремились преодолеть в процессе соперничества, были доступные и удобные территории для расселения и кормления и, во вторую очередь, для распространения веры и осуществления власти.

Культура индустриальной эпохи в существенной мере посвятила себя борьбе за обеспечение социальной устойчивости сообществ (т.е. достижению социального равенства и равного доступа к благам; отсюда и такая любовь к социальным революциям, в идеале стремившихся к формальному равенству социальных возможностей). Опыт предшествующей эпохи свидетельствовал, что ситуация, при которой одна из соперничающих социальных (политических, конфессиональных, этнических) группировок подавляет остальные, не приводит к долговременной устойчивости. Устойчивость – это баланс интересов разных групп. И именно к такому балансу (в формах политической демократии), в конечном счете, стремилась культура эпохи. Основной дефицит возможностей, актуальный для данной стадии развития, – недостаточная эффективность технико-технологического инструментария деятельности, на преодоление которого и были нацелены все научные и технические революции нового времени. Именно преодоление технико-технологической неэффективности производства вселяло надежду на возможность обеспечить всех равным доступом к социальным (и, прежде всего, материальным) благам. Коммунизм был возможен только в бездефицитной ситуации.

Культура постиндустриальной эпохи, еще находящаяся в процессе становления, развивается в сообществах, где равное стартовое право на доступ к социальным благам более или менее обеспечено. И постепенно обретает особую актуальность проблема достижения культурной устойчивости, т.е. равного права для всех индивидов и социальных групп на жизнь в режиме соответствия своей культурной идентичности (что стало особенно острым в условиях абсолютной полиэтничности и поликонфессиональности населения современных крупных городов), т.е. социального жизнеустройства. Одновременно, выйдя на определенную стадию научно-технического развития в производствах, экономически продвинутые сообщества стали ощущать острый дефицит знаний, более всего сдерживающий процессы развития. Борьба за преодоление такого дефицита, за построение экономики знания (т.е. информационной обеспеченности жизнедеятельности) стала основным императивом деятельности. Но рост информационной обеспеченности, в том числе, развивает и культурную толерантность людей. Так что и здесь взаимосвязь социальных целей и преодолеваемого дефицита совершенно очевидна.

Этими двумя базовыми параметрами в большой мере определяется и большинство иных характеристик, рассматриваемых в проблемной группе «целевые и функциональные приоритеты культуры». В частности, показательна эволюция основных провозглашаемых ценностей и отвергаемых сущностей, а также вопрос о том, к расширению каких свойств и возможностей та или иная эпохальная культура стремится. Для первобытной культуры основная ценность – культурная нормативность, отвергается новое (ненормативное), а стремится культура (в идеале) к расширению объема витальных благ для людей собственной общины. Аграрная культура провозглашает главной ценностью божественную истинность, отвергает чужое (по иному культурно закодированное) и стремится к расширению глубины понимания бытия (познанию истины). Для индустриальной культуры главные ценности – социальная справедливость и прогресс, предмет отторжения – устаревшее, потерявшее актуальность, а стремится она к всемерному расширению эффективности технического обеспечения деятельности. Постиндустриальная культура провозглашает главными ценностями культурную пластичность и плюральность, отвергает навязанное единообразие и стремится к расширению масштабов достоверного знания о бытии (не к уморительной истине, а к прагматически применимому знанию).

Те или иные целевые и функциональные приоритеты культуры в рамках своей направленности определяют и те или иные средства, с помощью которых цели достигаются. Прежде всего, это касается иерархии приоритетности так называемых «социальных индустрий», под которыми подразумеваются функциональные концентрации человеческих, материальных и интеллектуальных ресурсов на производстве той или иной особенно актуальной для сообщества продукции. В качестве основных видов такой продукции выделяются следующие:

- а) продовольствие;
- б) технико-технологический инструментарий деятельности (собственно инструменты, вещи, сооружения и процедуры обмена ими, а также применяемые технологии производства всего этого);
- в) интеллектуальный инструментарий деятельности (знания, представления, верования, идеи, ценности, образы, тексты, содержащие в себе все это, и процедуры их обмена и распространения);
- г) социальный порядок (нормы и формы социальной организации, социального поведения и взаимодействия, технологии управления и поддержания порядка).

Именами перечисленных выше групп продукции и названы различные социальные индустрии.

Как показывают наши исследования, в разные эпохи иерархия социальной значимости тех или иных социальных индустрий различалась. В первобытную эпоху эта иерархия была следующей: производство продовольствия, производство социального порядка, производство материального инструментария, производство интеллектуального инструментария. В аграрную эпоху, по нашему мнению, производство продовольствия и производство социального порядка остались на первых

местах, а вот производство интеллектуального инструментария обошло по значимости производство инструментария материального (нашло выражение в особой значимости религии). В индустриальную эпоху на первое место вышло производство материального инструментария (эпоха технико-технологического переоснащения материального производства и классических форм капитализма), затем уже шли социальный порядок, интеллектуальный инструментарий и откатившееся на последнее место продовольствие. В постиндустриальную эпоху, с его гонкой за знанием и экономикой знания, естественно, на первое место вышло производство интеллектуального инструментария, а затем выстроились производства социального порядка, материального инструментария и продовольствия.

Приоритетные формы и методы социального управления прошли специфическую историю. Под социальным управлением имеется в виду не только политическое насилие сверху (авторитарное подавление). Обычай – это тоже форма социального управления и подавления (культурного), теократия (не как политическое правление священников, а как ситуация особо значимых управленческих функций религии – и шире – любой идеологии – в обществе) – идейное подавление.

В первобытной культуре имело место абсолютное торжество обычая. Управление преследовало цель систематизации порядков непосредственного жизнеобеспечения и социального взаимодействия и осуществлялось посредством регуляции уровней инкорпорированности индивида в сообщество (инициации и пр.) и физическим насилием. Доминировало культурное подавление (обычай), в меньшей мере политическое (автократия) и идейное (теократия).

Для аграрной культуры характерно, пожалуй, только относительное преобладание обычая как основной формы управления процедурами социального взаимодействия, дополняемого политическими и идеологическими формами. В качестве методов преобладало физическое насилие (по любому поводу) и в существенной мере – разные уровни инкорпорированности индивида в сообщество. Но в целом наблюдалось сравнительное равенство социальной значимости подавления политического (автократии), идейного (теократии) и культурного (обычая).

На индустриальной стадии развития культуры заметно преобладание политических и социально-экономических форм управления. Основные методы – экономическое принуждение (в форме добровольного найма) и физическое насилие (в отношении непослушных). В равной мере применяются политическое подавление (автократия) и согласование интересов (демократия), реже культурное подавление (обычай). О последнем можно сказать, что наблюдались более или менее направленная дискриминация обычая и вытеснение его политическими формами управления.

Постиндустриальная стадия развития посвящена управлению обществом, прежде всего, посредством игры на социальных интересах людей и проявляет себя в абсолютном торжестве политических и социально-экономических форм управления. Преобладают согласование интересов (демократия) и политическое подавление (автократия, физическое насилие),

маргинально сохраняется и культурное подавление (обычай). При этом происходит постепенная изоляция обычая в социальных резервациях (в более или менее закрытых религиозных и этнических микроструктурах).

Содержательно новая культурная композиция ориентирована на управление культурными ориентациями и социальными интересами людей, стимулирование их добровольной социальной адекватности и ответственности, хотя по необходимости будет применяться и физическое насилие [1]. Доминирует принцип согласования интересов (демократия), в каких-то пределах – политическое подавление (автократия).

Очень значимой группой характеристик культуры представляются такие источники содержательного наполнения культуры, как: разные социальные опыты и их иерархия по значимости, предпочитаемые содержательные основания для культурных конструкций, культурные герои (их культурный генезис), отношение к историческому времени. По всем этим показателям разные стадийные культуры тоже весьма различались.

К примеру, первобытная культура строилась исключительно на социальном опыте локальной общины и на мистических представлениях о бытии (являвшихся в большой степени продуктами мифологической рефлексии того же локального социального опыта), которые лежали в основании всех культурных конструкций, культурными героями выступали преимущественно великие предки, но самой интересной была ориентация в историческом времени. В ее рамках прошлое было сакральным, настоящее – ужасно-терпимым (ужасным, но терпимым), а будущее не предполагалось вообще. Завтра будет то же, что и сегодня, или завтра не будет совсем [2].

Для аграрной культуры характерна иная композиция. Иерархия социальной значимости опыта выстраивалась таким образом, что на первом месте, безусловно, был исторический опыт этноса, затем по значимости шли мировоззренческий опыт конфессии, социальный опыт сословия, политический опыт государства. В числе оснований для культурных конструкций приоритетными были религиозные представления и, разумеется, актуальный социальный опыт. Культурными героями были, прежде всего, святые, эпические персонажи, а также великие исторические деятели, сказания и легенды о которых были широко распространены. Отношение к историческому времени не очень отличалось от первобытного. Прошлое было великим, в нем жили и творили великие герои; настоящее – плохим, но терпимым; а будущее мыслилось только в эсхатологическом ключе – в форме окончательной победы добра над злом. Земное социальное будущее человечества фактически не осмысливались (возможно, как малозначимое на общем эсхатологическом фоне).

Индустриальная эпоха принесла с собой многие изменения в эту схему. Поскольку основной доминантной формой социальной организации стала нация, то именно ее политический опыт и стал основным. Далее следовали социальный опыт сословия, профессиональный опыт специальности (постепенно набиравший все большую социально-регулятивную значимость), исторический опыт этноса, мировоззренческий опыт конфессии, локальный опыт семьи.

Актуальный социальный опыт и стал главным основанием культурных конструкций, религиозный мировоззренческий опыт постепенно стал терять значение, но появилось и совершенно новое основание для конструирования – социальные проекты. ореол культурных героев осенил, в первую очередь, великих современников, далее шли реальные исторические персонажи прошлого, литературные персонажи и на последнем месте – мифологические и фольклорные герои. Еще более значимый переворот произошел в отношении к историческому времени. Прошлое в восприятии общественной мысли этого времени стало ужасным, показательным примером, что «так жить нельзя», слово «средневековье» употреблялось почти как ругательное. Настоящее воспринималось как неприятность, подлежащая ремонту, в результате которого человечество построит великое и прекрасное будущее (выстраиваемое как некая системная фантазия). Идея истории как процесса «ремонта настоящего» прочно овладела умами.

Культура постиндустриальной эпохи, как представляется, ориентирована, прежде всего, на профессиональный опыт специальности, как социально наиболее значимый. Затем последовательно выстраиваются политический опыт нации, социальный опыт сословия, исторический опыт этноса, мировоззренческий опыт конфессии, локальный опыт семьи. Культурные конструкции, как и в индустриальной культуре, базируются на актуальном социальном опыте (исторический уже не рассматривается всерьез) и социальных проектах, но к ним еще прибавляется превентивное переживание будущего (в отличие от социальных проектов не преследует цели практической реализации в обозримые сроки), как очень значимой составляющей культурного сознания. В числе главных культурных героев можно назвать, в первую очередь, людей, чьи лица регулярно появляются на экранах телевизоров, успешных звезд поп-культуры (музыканты, актеры, модели и др.) и соперничающих со звездами художественных персонажей (особенно киногероев). Как и в прошлые эпохи, главным достоинством культурных героев является успешность их деятельности и с гораздо меньшей степенью значимости – нравственная правильность совершаемых ими действий.

Отношение к историческому времени заметно потеряло прежнюю остроту и жесткую ценностную выраженность. Прошлое – сказка, в меру красивая и в меру кровавая, но достоверность наших знаний о нем очень сомнительна. История – художественная фантазия, базирующаяся на некотором фактурном знании, но интерпретирующая его до неузнаваемости. Настоящее по-своему интересно, но оценить его, как хорошее или плохое, никто не берется. Оно слишком противоречиво. Еще более размытый и совершенно сегментированный характер приобрели представления о будущем. Оно будет настолько хорошим, насколько удачно мы его построим, что зависит от очень многих плохо предсказуемых факторов. Социальная футурология пророчит нам хорошее будущее, художественная культура – очень многообразное, потрясающее по техническим характеристикам и очень проблемное по гуманитарным.

Еще одна группа параметров характеризует участников культурных процессов.

Для первобытного периода была специфична только одна социальная группа – потребляющих, т.е. людей, занятых непосредственным добыванием пищи и размножением. Все остальное было уже вторично. В аграрную эпоху участники социальных процессов уже разделились функционально и иерархически на управляющих, познающих (религиозные деятели, ученые и художники) и производящих (продовольствие и материальную продукцию). Типы общностей уже можно подразделить на этноконфессиональные, социально-сословные и политические, которые отличались относительным равенством своего социального влияния.

Для индустриальной эпохи характерно пополнение иерархии управляющих, познающих и производящих еще одной функциональной группой обслуживающих. В рамках типологии социальных группировок в это время наблюдалось абсолютное преобладание влияния национально-политических и социальных общностей. Этнические и конфессиональные группы постепенно теряли свою статусную значимость.

В постиндустриальную эпоху в силу резко возросшей значимости научно-информационной работы первое место в иерархии социальной заняли познающие, затем управляющие, обслуживающие и производящие. По этой же причине произошло повышение социальной востребованности качества специализированной деятельности, в связи с чем, на первое место среди агентов влияния выдвинулись социально-профессиональные группы, затем – национально-политические и с заметным отрывом – этнические и конфессиональные. Вместе с тем, в силу роста легитимности различных субкультурных и маргинальных культурных групп и манифестации общественного патронажа над ними как меньшинствами со сложной идентичностью, эти группировки стали заметной составляющей социального пейзажа постиндустриального мира.

Очень важным представляется вопрос о приоритетах идентичностей и связанных с ними площадках репрезентации людей, как важнейшее содержательное наполнение эпохальной культуры. В первобытную эпоху идентичность как человека, так и общины носила родовой характер и базировалась на том, что человек/община – потомки некоего великого предка, что определяет их специфику по сравнению с другими, что и задавало пространство репрезентаций в обрядово-ритуальной практике поклонения великому предку или действий по его заветам.

В аграрную эпоху идентичность как человека, так и общины была уже многокомпонентной и жестко иерархизированной. Идентичность человека определялась, главным образом, его социальным происхождением/положением и корректировалась религиозной принадлежностью, которая в существенной мере фактически заменяла этничность [3]. В идентичности социальных групп примерно равную значимость имели политико-конфессиональная и социально-сословная принадлежность. Соответственно, и пространствами репрезентации были религия, социально-сословная культура, политическое гражданство/подданство.

Индустриальная эпоха – эпоха сложения наций, что и определило национально-политическую принадлежность как основную в иерархии идентичностей как человека, так и социальной группы. Корректирующим элементом для обоих субъектов являлись социально-профессиональные

характеристики. Главным пространством репрезентации в эту эпоху стало общественное служение, менее значимыми были социальный статус и профессиональная деятельность и тем более – этническая принадлежность и религия.

Постиндустриальная эпоха – эпоха торжества культурного многообразия и общественного патронажа над различными реликтовыми культурами, субкультурами, маргинальными культурными группировками. В индивидуальной идентичности человека особую роль стала играть его микрогрупповая принадлежность (на различных уровнях отрефлексированности такой принадлежности), нередко определяемая принадлежностью профессионально-статусной, микроэтнической, микроконфессиональной, социально-групповой и т.п. Макрогрупповая принадлежность (к нации, мировой религии), как правило, становится актуальной только ситуативно.

В типах идентичности социальных групп постиндустриальной эпохи трудно выделить какие-либо приоритетные. Примерно в равной мере актуальны идентичности национально-политические, этнические, конфессиональные, социально-профессиональные, субкультурные, маргинальные, микрогрупповые. Структуру групповых идентичностей этой эпохи можно назвать плюральной без явных фаворитов. Иерархию пространств репрезентаций идентичностей, очевидно, возглавляют среда культурных микрогрупп (этноземляческие содружества, церковные общины, молодежные группы, коллективы любителей, поклонников, болельщиков и т.п.), ниже по значимости – пространства личной профессиональной деятельности и политическое. Вместе с тем, складывается впечатление, что в постиндустриальную эпоху все большую значимость начинают набирать основания солидарности и идентичности по культурным предпочтениям.

Пространством культурных репрезентаций этой эпохи становится вся социальная жизнь людей, в которой по ситуации демонстрируются те или иные маркеры личной принадлежности человека к той или иной культурной группировке. Другой вопрос, какова будет степень актуальности таких репрезентаций и – отсюда – до какой степени экстравагантности такие репрезентации будут доходить? Представляется, что чем более плюральным будет это культурное пространство, тем более экстравагантными станут и репрезентации (очень трудно привлечь к себе внимание в ситуации, когда оригинальны все).

Какие наиболее значимые тенденции исторической динамики культуры, таким образом, выявляются? Думается, что, прежде всего, это тенденция возрастания множества культурно допустимых вариаций в решении одних и тех же социальных проблем. Если первобытное общество допускало, как правило, только один вариант решения проблемы (это подтверждают и современные этнографические исследования архаических обществ), то по ходу истории началось постепенное умножение допустимых вариантов (появились самостоятельные сословные варианты, конфессиональные, профессиональные, квалификационные и т.п.). В каком-то смысле история культуры – это история расширения возможностей деятельности (как технических решений, так и социально разрешенных вариантов), ее интерпретаций, ее проектирования и пр.

Это последовательное расширение «территории свободы» в культуре. Здесь нельзя не согласиться с И. Берлином, что история культуры – это история свободы [4].

Далее – тенденция к понижению таксономического ранга основных общественных объединений, обслуживаемых культурой. Разумеется, во все времена определенные культурные черты имели как макро-, так и микрообъединения людей, по которым они и атрибутировались. Но, если в прошлом наблюдалась большая культурная значимость наиболее крупных группировок (народы, конфессии, сословия, нации) и относительная вторичность малых (субкультуры и более мелкие культурные группы), то, как представляется, общая историческая тенденция направлена на то, что именно малые культурные группы постепенно становятся главными носителями культурной специфики, а более крупные – объединенными по тому или иному основанию их совокупностями (как правило, не иерархическими).

Это «измельчение» носителя культурной специфики получило выражение в тенденции к определенной локализации, партикуляризации, приватизации и одновременной гуманитаризации оснований для социальной солидарности людей и площадок их культурной репрезентации. Характерная эволюция целей культуры от обеспечения демографической (витальной) устойчивости сообществ к их политической (по внешней безопасности), затем социальной (по внутренней организованности), затем культурной (по ценностным основаниям) устойчивости свидетельствует, что исторически культура перенацеливается на обеспечение устойчивости все более мелких социокультурных групп.

Показательна и направленность перемен в источниках содержательного наполнения культуры: от целостного витального опыта общины к историческому опыту этноса в его социально-сословных интерпретациях, затем к политическому опыту нации в профессионально-субкультурных интерпретациях, далее к профессиональному опыту специальности в местных институциональных интерпретациях и в дальнейшем, видимо, к культурному опыту человечества в его микрогрупповых социокультурных интерпретациях. Здесь наблюдается возрастание ранга источника опыта, сопровождаемое «измельчением» его интерпретирующей, т.е. практически использующей инстанции.

Одновременно хорошо выражена и гуманитарная направленность перемен в средствах социальной регуляции жизни людей от крайних форм принуждения (насилие) к согласованию интересов (демократия) и стимуляции добровольного социально ответственного поведения (культура как управленческая стратегия). Этой тенденции соответствует и эволюция оснований идентичности от родовых (биологические) к социально-культурным, затем к культурно-политическим и, далее – предположительно – к гуманитарно-культурным.

При всем неоднозначном отношении к гуманитарным мечтателям, надо признать, что тенденцию направленности развития культуры как способа обеспечения коллективной жизни людей, они уловили совершенно правильно. Наблюдается развитие от обеспечения интересов макроколлективов к обеспечению интересов микроколлективов, от адаптации к природным

условиям – к адаптации к условиям историческим, а затем – и к собственным социальным и культурным особенностям, от методов насилия – к методам преимущественного согласования. Это и есть процесс гуманитаризации культуры, впрочем, уже давно замеченный еще философами Просвещения и хорошо описанный теоретиками демократии.

И еще одну тенденцию культурного движения необходимо отметить: культура прошла путь от умиления прошлым (и ностальгической концентрированности на нем) к ремонту настоящего (и рациональной погруженности в его проблемы) и далее к проектированию будущего (и превентивному переживанию его).

Все это дает основания предположить, что культурный опыт, который в последние века рассматривался как вторичный (гуманитарный) по сравнению с опытом политическим и социальным, в общественном сознании постепенно начинает выходить на приоритетные позиции и, видимо, займет подобающее место в культуре постиндустриального общества. Его фактическая значимость, безусловно, всегда была очень велика, но только теперь начинают в должном объеме осознавать социальные последствия его разрушения или пренебрежения им.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы об общем векторе направленности исторического развития культуры.

На протяжении тысячелетий *культура была наиболее консервативной модальностью социального существования человеческих сообществ*. Она заставляла народы тысячекратно переживать собственное прошлое, постоянно воспроизводить его в традиционных формах деятельности и продуктах, видеть в прошлом эталонный образец правильного состояния дел, поведения людей их решений и предпочтений. «Богатыри – не вы...» Все богатыри, герои, значимые образцы оставались далеко в истории. Настоящее было в лучшем случае терпимо плохим, а уж о будущем, и говорить было нечего (оно будет на небе). Культура не то, чтобы специально боролась с новациями, но всегда удерживала их в идеологически установленных пределах. Культуру такой направленности можно назвать находящейся в состоянии **неустойчивого равновесия**, которое заключалось в консервативном содержании самой культуры, а неустойчивость определялась суммой внешних воздействий на нее.

Но вот на протяжении трех-четырех последних веков произошла определенная метаморфоза культуры. Она стала интересоваться будущим и строить планы на будущее. Прошлое уже не стало казаться таким идеальным, а, напротив, темным и ужасным, его необходимо было преодолеть («Отречемся от старого мира...»). Потребность в чем-то новом, нестандартном, нестереотипном, ассиметричном постепенно овладела культурой. Она сама стала инструментом преодоления традиции. Культуру нового времени уже можно назвать находящейся в состоянии **устойчивого неравновесия**, причем источником неравновесия стала противоречивая внутренняя проблемная наполненность культуры, а фактором устойчивости – жесткие внешние границы функционирования. Функции внутренних свойств и внешних обстоятельств поменялись местами по характеру своего воздействия на культуру. А с переходом на постиндустриальную

стадию развития с каждым десятилетием эта новая направленность культурного развития усиливается.

В этой связи можно отметить и еще одну особенность. Если ранее локальная **специфичность культуры являлась самодовлеющей** и была основана на устойчивом обычае (бытовые традиции, язык, религия), то постепенно культурная **специфичность становится ситуативной** и основывается преимущественно на актуальном интересе (как правило, политическом или экономическом). Более того. Наблюдается более или менее очевидная трудность (фактически – невозможность) удержания культурой своей локальной специфичности (в прежних пределах выраженности) при ускорении динамики социального развития общества. Устойчивость этой локальной культурной специфичности в существенной мере обеспечивается замедленными темпами развития. Но, как показывают многочисленные исторические примеры, **при ускорении динамики социального развития общества в жертву ему приносится, прежде всего, заметная часть традиционной культурной специфики**. Это можно считать еще одной фундаментальной закономерностью, характеризующей процессы исторической динамики культуры.

Можно даже утверждать, что локальные культуры сообществ, находящихся на схожей стадии развития, по мере перехода от одной исторической эпохи к другой, становятся все менее специфичными по отношению друг к другу. Культуры средневековых католических сообществ были менее специфичны по отношению друг к другу, нежели культуры античных образований, культуры индустриальных европейских государств между собой менее специфичны, чем культуры средневековых, культуры постиндустриальных обществ еще менее специфичны по отношению друг к другу. Чем больше ускоряется темп социального развития, тем быстрее утрачиваются признаки локального культурного своеобразия обществ по отношению друг к другу, «съедаемого» необходимостями социального роста.

Еще одна особенность, которую можно выделить как закономерность, значимую для данного вектора эволюции, – это **расширение числа оснований для социальной солидарности людей (и соответственно их идентичности) по ходу истории**. Наблюдается последовательное движение от исключительно кровнородственной солидарности, доминировавшей в раннюю первобытную эпоху, ко многим десяткам различных оснований общности людей, возрастающих числом от эпохи к эпохе и находящимся в очень прихотливой композиции и иерархии (политические, этнические, религиозные, идеологические, национальные, лингвистические, социальные, профессиональные, экономические, статусные, квалификационные, по убеждениям, по увлечениям и пр.). Число оснований, по которым люди объединяются в солидарные группы, чувствуют и манифестируют групповую общность, с каждой эпохой возрастает, и это, в свою очередь, ведет к расширению пластичности (вариативности) форм и норм их социального взаимодействия. То есть к расширению территории социальной и культурной свободы. Причины данного процесса тоже видятся в неуклонном расширении многообразия направлений

человеческой деятельности и интересов, многообразия необходимых и допустимых форм их взаимодействия и (о чем уже говорилось выше) измельчения актуальных групп солидарности.

Все это ведет к постепенной, но принципиальной трансформации социальных функций культуры в обществе. Из педали тормоза в автомобиле прогресса, удерживающей общество в колее культурной традиции, она становится педалью ускорения, преодолевающей традиции, а может превратиться и в систему форсажа, избавляющегося от них. Культура постепенно превращается в один из участков прорыва в деле социального развития общества. Вопрос в том, когда функционирование культуры в новой роли перестанет быть стихийным и перерастет в режим ее осмысленного использования в качестве навигатора социального прогресса?

* Автор выражает глубокую признательность доктору философских наук, доктору культурологии, профессору А.В.Костиной, в дискуссиях с которой рождались многие положения этой статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Представляется, что нынешнее резкое возобладание необходимости в физическом насилии как инструменте управления вызвано именно практически полным исчезновением (изоляция) обычая как социальной регулятивной системы.

[2] Такой вывод можно сделать на основании многих полевых антропологических исследований архаических народов. См., например: *Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей северо-западной Меланезии* // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М., 2004; *Леви-Строс К. Печальные тропики*. М., 1980; *Levi-Strauss Cl. Les Structures élémentaires de la parenté*. P., 1949 и др.

[3] Известное исключение из этого правила представляла собой европейская Античность, в рамках которой идентичность определялась, прежде всего, этнокультурно, но Античность и по многим иным параметрам представляет собой уникальное исключение из общемировой практики. Здесь не место рассуждать почему.

[4] *Берлин И. Философия свободы. Европа. История свободы*. Россия: в 2 т. М., 2001.

© Флиер А.Я., 2011

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2011 г.

Флиер Андрей Яковлевич,

доктор философских наук, профессор,

профессор кафедры философии, культурологии и политологии

Московского гуманитарного университета (Москва),
e-mail: andrey.flier@yandex.ru

Flier A.

EVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS OF CULTURE

Abstract. The author analyses certain regularities that define a type of historical development of culture and its substantive direction. A move forward begins from a stiff monologue of cultural self-affirmation to the polilogue of cultural interactions, from the only one possible solution of any task to the tolerant attitude towards a multiplicity of possible cultural options, from the priority of cultural sustainability to the priority of cultural variability, etc.

Key words: cultural dynamics, cultural sustainability, tradition, cultural variability, social freedom, cultural asymmetry

Flier Andrey Yakovlevich,

Doctor in Philosophy, Professor,

Professor of the Department for Philosophy, Cultural Studies and Politology

of the Moscow University for the Humanities (Moscow),

e-mail: andrey.flier@yandex.ru